

ББК 67.621.16

А.С. Страданченков

Законодательство в сфере национальной культурной собственности как предмет философско-культурологического анализа

A.S. Stradanchenkov

The Legislation in a Sphere of the National Cultural Property as a Subject of the Philosophic and Culturological Analysis

В статье дается научный анализ происхождения понятия «национальная культурная собственность», анализируются разные подходы к определению его содержания, делается попытка обозначения некоторых закономерностей развития указанного понятия как культурного явления, а также его значения в региональном и международном масштабе.

Ключевые слова: культура, законодательство, собственность, национальная культурная собственность, интеллектуальная собственность.

Задача настоящей статьи – не просто рассмотреть совокупность законодательных актов в указанной сфере, а на основе методологических позиций философии и культурологии попытаться выявить генезис происхождения понятия «культурная собственность» и содержание последнего, определить место и роль законодательства, регламентирующего выделенный предмет, в процессах жизнедеятельности общества, дать философско-культурологическую оценку этому культурному явлению. Отметим, что нас интересует не столько правовая оценка существующего законодательства, относящегося к предмету рассмотрения, а его характеристика как культурного элемента общества, регламентирующего обозначенную тему, а также уровень его развития. При этом характеристика законодательства представляется нам не только отражением уровня развития социума и его культуры, но и попыткой обозначить закономерности его возникновения и развития как самостоятельного культурного продукта общественного труда.

Автора интересуют и общие вопросы формирования, существования и изменчивости культуры как целостного явления. В частности, в качестве предмета исследования для нас выступает не просто понятие «культурная собственность», а само законодательство как продукт культурной деятельности человека, причем именно в сфере культуры, и непосредственно – культурной собственности.

The paper analyzes an origin of concept “the national cultural property”, examines different approaches to define its content, makes an attempt to detect some laws of development of the specified concept, such as a cultural phenomenon, and also its value in regional and international scale.

Key words: culture, legislation, property, national cultural property, intellectual property.

Понятие «культурная собственность», отсутствующее в отечественной культурологической и юридической литературе, применяется в ряде зарубежных государств примерно с середины XX столетия все шире и шире. Отдельные авторы объясняют это в первую очередь расширением государственного регулирования в сфере отношений собственности [1]. Именно с последним термином, вероятно, и связано происхождение исследуемого явления, понятия.

Введенное в современном понимании в научный оборот юристами и экономистами понятие «собственность» прежде всего выражает общественные отношения к ценностно-значимой вещи. Собственность есть не вещь и не отношение человека к вещи, взятые сами по себе. Собственность есть отношение между людьми, но такое, которое проявляется в их отношении к вещам. Или, иначе, собственность – такое отношение людей по поводу вещей, которое наделяет и людей, и вещи особыми социальными качествами: делает людей собственниками, а вещи – собственностью [2]. Отношения же собственности представляют собой социально-экономические отношения, состоящие из волевых и экономических отношений.

И если экономические (материальные) отношения характеризуют в первую очередь реальное, физическое нахождение вещи или материальное ее состояние, что происходит в основном путем присвоения, распределения, обмена, создания или потребления, то

социальное отношение собственности – суть волевого отношения к вещи.

Одним из первых определением собственности дал К. Маркс с помощью категории присвоения. В ряде своих работ, а особенно во введении «К критике политической экономии» [3], он реально показал взаимосвязь категорий «собственность» и «присвоение». Но последняя категория для преодоления достаточно большой степени абстрактности и порой различного толкования, вкладываемого в нее автором, сама требовала конкретизации и более полного раскрытия ее содержания. В результате поисков наиболее адекватного и полного определения под понятием «собственность» стали понимать отношение лица к принадлежащей ему вещи как к своей, которое выражается во владении, пользовании и распоряжении ею, а также в устранении вмешательства всех третьих лиц в ту сферу хозяйственного господства, на которую простирается власть собственника [4]. Современное представление воли собственника в отношении принадлежащей ему вещи наиболее полно выражается в таких формах, актах собственника, как владение, пользование и распоряжение ею. Но, подобно тому, что кроме права собственности существует и сама собственность, причем в качестве не только волевого, но и экономического отношения, точно так же, кроме права пользования и распоряжения, существуют реальное пользование и распоряжение, причем опять-таки в качестве не только волевого, но и экономического явления. Это, по сути, относится не только к любым физическим предметам, вызывающим тот или иной интерес со стороны человека, но и к любым продуктам общественного труда, т.е. к культуре в широком смысле слова. Взаимодействие же людей в процессе владения, пользования и распоряжения с культурными продуктами человеческого труда привело к осознанию значимости последних и необходимости их сохранения. Отсюда и появление понятия «культурная собственность», в содержании которого, в отличие от экономической составляющей, даже в юридических формулировках делается упор на социально-ценностном эстетическом и этическом аспектах объекта рассмотрения. Причем само понятие «культурная собственность», как будет показано далее, – это, как правило, синтетический продукт человеческого труда. Именно поэтому указанное понятие, явление в скором будущем, бесспорно, привлечет более пристальное внимание не только юристов, но и культурологов, социологов, а также специалистов других общественных, гуманитарных и естественных дисциплин.

Первоначально к предметам, входящими в круг понятий «культурная собственность», относили элементы старины или произведения искусства. Со временем развития категориального аппарата стал расширяться и перечень вещей, а также объектов, обладающих потребительской ценностью в рассматриваемом аспекте. В результате этого в качестве коллективной или

национальной культурной собственности стали понимать вещи и объекты (в том числе объекты интеллектуальной собственности), права владения, пользования и распоряжения на которые принадлежат не только отдельным индивидам, но и целым группам людей или даже обществу в целом, а также отдельные элементы природы, ценность и пользование которыми невозможно ограничить чьей-то конкретной волей. И это естественно, ведь нельзя с точки зрения современного миропонимания до конкретной индивидуальности ограничить право владения, пользования и распоряжения такими уникальными природными и культурными явлениями, как атмосфера земли, Беловежская пушча, египетские пирамиды, произведения фольклора и т.д. Эти и иные объекты культурного, исторического и природного происхождения принадлежат, по сути, всему человечеству, так как с культурной точки зрения являются продуктами труда целых цивилизаций или «ощущали» на себе воздействие человека, а с точки зрения культурно-природного аспекта являются коллективной ценностью и влияют на жизненные силы если не всего человечества, то очень больших групп людей. В последнем случае речь идет, казалось бы, о чисто природных явлениях-ценностях. Но в то же время большинство природных явлений в современный век развития технологий вполне можно назвать социально-природными, природно-культурными. Для примера: даже мировой океан и атмосфера нашей планеты волюно или невольно непосредственно связаны с деятельностью человечества, а значит, в какой-то степени относятся к предметам и продуктам общественного труда или напрямую зависят от человека, т.е. считаются природно-культурными явлениями, которые с определенной долей абстракции можно назвать мировой культурной собственностью. С точки зрения такого подхода аналогичные указанным природные явления (объекты) представляются ценностью всего человечества, всего населения Земли. Здесь невольно возникает ассоциация в отношении учения великого русского ученого Владимира Ивановича Вернадского о биосфере – ноосфере как о едином целом, являющемся предметом труда и мысли человека. О более широком понимании культурной собственности, выходящей за рамки продуктов человеческого труда, обычно понимаемых в качестве таковых (*памятников архитектуры, живописи, литературы, музыки и т.д.*), высказывался и профессор права, сотрудник отдела искусства Стэнфордского университета Джон Генри Мерриман [5].

Придерживаясь именно такого широкого методологического подхода, в качестве понятия «культурная собственность» автор предлагает понимать *объекты материальной и духовной сферы, созданные человеком, природные объекты, имеющие культурную, научную, жизненно важную и другую значимость, по отношению к которым у социума сформировалось осознание ценности и необходимости сохранения, а также суще-*

ствуют отношения владения, пользования и распоряжения относительно указанных объектов.

И хотя вопрос определения видов культурной собственности, как и само ее определение, не является основным предметом нашего исследования, коротко отметим следующее. Достаточно условно культурную собственность можно разделить на основании признаков происхождения на *рукотворную, или искусственную*, – преимущественно созданную самими людьми, и *природную, или естественную*, – преимущественно созданную силами природы. По характеру интереса к ней со стороны той или иной науки, сферы познания – на *художественную, научную, историческую, археологическую, архитектурную и т.д.* По принятым в юриспруденции признакам – на *движимую и недвижимую*, а по признаку принадлежности – на *принадлежащую частным лицам, малым и большим группам или всему человечеству*. Возможны и другие критерии дифференциации.

Бурное развитие современной промышленности и предпринимательства, а также осознание возможного пагубного влияния на природу и культуру человечества таких социогенных факторов, как война или техногенные катастрофы, поставили на повестку дня выработку механизмов, ограничивающих варварское отношение к национальному (в том числе природному) достоянию, собственности больших групп людей, общества – к коллективным ценностям. В этом и проявляется природа возникновения и онтологического основания явления, которое и стало сперва осознаваться и оцениваться, а затем называться национальной культурной собственностью. Но, будучи расположенными в основном на территориях разных государств, «коллективные ценности» стали обозначаться различными вербальными определениями. Протекал этот процесс в рамках и посредством в первую очередь законодательных норм, характеристика которых вкратце будет указана далее. И, как уже отмечалось, на базе однопорядковых дефиниций со временем стало формироваться достаточно универсальное, общее понятие «национальная культурная собственность», или просто «культурная собственность», определяющее рассматриваемые ценности с точки зрения их обращения в гражданском, общественном обороте и выработки мер по ее защите.

Вопросы защиты культурных ценностей как таковых стали актуальны и возможны благодаря тому, что человечество нашло и стало широко применять законодательство как унифицированную нормативность. И в этом выражается один из законов культурной динамики, согласно которому исторически устойчивыми являются только образцы и установки, имеющие нормативный статус. Все остальное – однодневки [6]. Вероятно, именно поэтому само явление культурной собственности, будучи объектом различных наук, т.е. междисциплинарным явлением, первоначально ста-

ло складываться как культурологическая дефиниция в рамках юриспруденции. Объясняется это и тем, что сколько-нибудь значимые культурные явления, как правило, выходили за рамки сферы влияния малых групп, а тем более отдельных индивидов. Поэтому и вопрос их обращения и регулирования объективно ложился на государство, обладающее необходимыми ресурсами и инструментами. Одним из таких инструментов и стало законодательство, посредством которого с некоторого времени и протекала вербализация указанного явления.

Пожалуй, одним из первых среди известных государственных нормативных документов, направленных на защиту культурной собственности (*с точки зрения трактовки настоящей статьи*), является Декрет правительства Египта от 17 ноября 1891 г., состоящий всего из 8 статей и определяющий порядок допуска и ведения раскопок вблизи Каира. В нем, в частности, установлено, что все объекты, найденные в раскопках, принадлежат по справедливости государству и должны быть помещены в Музей Гизы. В указанном нормативном акте культурные ценности изначально назывались просто объектами, а в более позднем законодательстве – объектами старины. К наиболее ранним относится и закон Индии о сохранении памятников старины от 1904 г.

Специальные законы, регламентирующие различные аспекты охраны культурной собственности, в настоящее время существуют во многих странах, например, в Германии, Индии, Китае, Камбодже, Канаде, США, Швейцарии, Японии и т.д. Но общего закона, дающего наиболее полное и идентичное по содержанию определение, характеризующее термин «культурная собственность», к сожалению, пока нет до сих пор. Как правило, указанное законодательство ограничивается лишь перечислением объектов, которые, по мнению законодателей указанных стран, составляют саму культурную собственность и требуют ее защиты в условиях данного общества.

Нельзя утверждать, что вопрос выработки понятного всем определения «культурная собственность» решится сам по себе. Но стоящие перед мировым сообществом задачи сохранения культурных продуктов человечества закономерно влекут потребность в формулировании и применении для решения назревших задач универсальных подходов и понятий, одним из которых и является дефиниция «культурная собственность». И в этом вопросе оптимальным инструментом взаимодействия и регулирования отношений в рассматриваемой сфере в силу целого ряда причин является институт законодательства, представляющий собой специфический культурный продукт.

Международная унификация законодательства в этом аспекте началась не так давно и была связана в первую очередь с осознанием опасности полного уничтожения или причинения вреда культурным цен-

ностям в ходе военных конфликтов. Возрастающая разрушительная сила средств ведения войны и варварское распоряжение захваченными культурными ценностями несли все большую и большую опасность.

Руководствуясь принципами защиты культурных ценностей в случае вооруженного конфликта, заложенными в Гаагских конвенциях 1899 и 1907 гг. и в Вашингтонском Пакте от 15 апреля 1935 г., Организацией Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) подготовлена и создана международная конференция, которая с 21 апреля по 14 мая 1954 г. проходила в Гааге во Дворце мира. В заключительный день конференции представители 56 государств подписали Гаагскую конвенцию о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта и протокол к ней. Ратифицированная в настоящее время более 108 государствами, она предусматривает меры по охране движимых и недвижимых культурных объектов, которые расположены как на территории противника, так и на собственной территории.

В дальнейшем международное законодательство в отношении защиты «мировой» культурной собственности только расширялось. Среди основных международных актов такого характера стоит выделить: Конвенцию «О мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности» (Париж, 17.11.1970), Конвенцию «Об охране всемирного культурного и природного наследия» (Париж, 1972 г.), Конвенцию Совета Европы «Об охране архитектурного наследия Европы» (Гранада, 03.10.1985) и, наконец, Конвенцию УНИДРУА по похищенным или незаконно вывезенным культурным ценностям (Рим, 24.06.1995), устанавливающую порядок реституции и возвращения незаконно вывезенных культурных ценностей.

Наряду с указанными, существуют и другие международные законодательные акты, в совокупности создающие базу для развития как самого понятия «культурная собственность», так и отношений по поводу ее обращения.

Отметим также, что международная унификация законодательства в сфере культурной собственности охватывает и проблемы ее составной части – интеллектуальной собственности. Показательным здесь является положение о международном сотрудничестве, сформулированном в ст. 7 Всемирной декларации по интеллектуальной собственности от 26 июня 2000 г. В ней в частности говорится, что следует добиваться согласования национальной политики стран в отношении установления прав интеллектуальной собственности с целью обеспечения их охраны на глобальном уровне. В настоящее время указанная декларация распространена Всемирной организацией интеллектуальной собственности (*специализированным учреждением Организации Объединенных Наций*) во всех странах

мира. Кроме этого, целым рядом стран подписано несколько соглашений, регламентирующих оборот интеллектуальной собственности в мировом масштабе.

Подобно развитию законодательства об интеллектуальной собственности и все большего приближения его к аспектам, связанным с «культурной собственностью», происходит и расширение правового регулирования в отношении природно-культурных объектов: атмосферы, животных, растений и т.д. В этом прослеживается некая закономерность, выражающая динамику развития и совершенствования количественно-качественного содержания законодательства, в данном случае касающегося вопросов сохранения культуры Земли как таковой.

В качестве заключения сделаем некоторые выводы.

Обозначенное выше законодательство, являясь самостоятельным, специфическим культурным продуктом общества, выступает средством формирования новых культурологических и научных понятий, к которым относится и «культурная собственность», а также выступает инструментом познания и овладения человеком естественного и социального миров.

Проведенный в объектно-историческом аспекте сравнительный анализ законодательства в отношении культурной собственности свидетельствует о том, что сама «культурная собственность» на примере отражения ее в законодательных нормах разных стран имеет тенденцию расширения своего содержания – от отдельных «культурных ценностей» к ценностям культурного характера воистину в масштабах нации и всего человечества.

В результате развития и совершенствования самого законодательства последнее все более тесным образом переплетается с понятиями из различных сфер жизнедеятельности, в том числе с различными явлениями культуры. Так, на примере развития и наполнения понятия «культурная собственность» указанное определение в качестве коннотации стало характеризовать особые черты и аспекты первоначальных понятий: культурное наследие, культурная ценность, интеллектуальная собственность и т.п.

Законодательство не само по себе, но как форма отражения развития человеческого разума на примере рассматриваемого явления все больше и больше совершенствуется, расширяется и закономерно охватывает с каждым разом все новые и новые аспекты регулирования. Это явление, по аналогии с закономерностью эволюционного развития живого вещества, человеческого мозга и сознания, открытой и эмпирически обоснованной в 1856 г. одним из крупнейших североамериканских ученых XIX столетия, геологом, минералогом и биологом Д. Ле-Контом и названной им «цефализация», мы называем «юрелизация» (от лат. *jure* – закон) – законодательная формализация.

На примере развития законодательства в отношении культурной собственности можно констатировать, что оно все больше развивается, наполняется содержанием и, по сути, представляется самостоятельным, естественным и очень важным элементом культуры общества.

Библиографический список:

1. Талимончик В. Законодательство зарубежных государств о культурной собственности // Законность. – 2005. – №10.
2. Семенов Ю.И. Всемирная история как единый процесс развития человечества во времени и пространстве // Философия и общество. – 1997. – №1.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : в 50 т. – 2-е изд. – М., 1955–1981. – Т. 46, ч. 1.
4. Толстой Ю.К. Общие положения о праве собственности // Гражданское право. – М., 2008. – Ч. 1.
5. Merryman J.H. Two Ways of Thinking about Cultural Property // American Journal of International Law. – 1986. – V. 80, Is. 4.
6. Флиер А.Я. Побег из культуры // Вестник МГУКИ. – 2005. – №1.